

Во сне я узнала, что тебя застрелили. Могу вы-
бирать – верить или нет, потому что узнать точно
у какой-нибудь бывшей одноклассницы или старо-
го общего друга возможности у меня нет. И даже не
в том дело, что я не хочу, а в том, что у нас с тобой
никогда не было общих друзей. А бывшие одноклас-
сницы закончились точнехонько под звуки послед-
него звонка.

О, я помню его! Слезоточащий, украшенный флаж-
ками и натянутыми на массивных грудях старше-
классниц белыми блузками, последний звонок. Тот
самый звоночек, который должен был намекнуть,
что как бы дальше все будет только сложнее, сиди-
те, дети, в школе и не ходите в Африку гулять. Но
кто из нас мог распознать опасность в натянутом
до предела школьном звонке, который мы все слы-
шали не менее тысячи раз? В знакомом, бьющем по
ушам то радостью, то досадой школьном звонке.

Мы старательно плакали, танцевали, поправ-
ляли банты и застегивали то и дело выскакиваю-
щие пуговицы на блузках. А после торжественной
части все отправились пить пиво. Да-да, потому
что хватит этого уроку-террора, мы уже слишком
взрослые и достаточно дерзкие, чтобы заявиться
домой с легким перегаром. Я выпила кружку пива,
запутывая в зубах тонкие волоски копченого сыра,
и решила: еду к тебе! Я взрослая, я школу окончила
и даже выпила пива – разве это не повод оконча-

тельно и бесповоротно распрощаться с детством?
Я приехала в твой магазин и, минуя продавцов, про-
водивших меня недоумевающим взглядом, прошагала
в кабинет директора. В кабинет директора магази-
на открыток.

Ты был не похож на продавца добрых слов. Ты
мог бы продавать оружие, ну или хотя бы управлять
продуктовым ларьком в спальном районе, и один
твой вид отпугивал бы от этой ниши остальных.
Но ты продавал картонки с выдолбленными на них
мишками и розочками, вычурными и неискренними
словами, а еще игрушками и шариками. Мои надежды
казаться взрослой и серьезной тогда разбились
о розовый плюшевый уголок чьего-то счастья. Ведь
дарить подарки и подписывать пусть и пошлые, но
всегда своевременные открытки – счастье?

Ты удивленно обернулся, но быстро привык к мо-
ему появлению. Ты что тут делаешь? Я к тебе пришла!
Краснея и пятась назад, подальше от своего спон-
танного решения, я мямлила что-то про последний
звонок, на который «я же тебя звала», про пиво
с одноклассниками. Бывшими. Бывшими, слава богу!
Мне больше не придется быть частью этой странной
разношерстной команды – какого-то просто месива
из характеров, лиц, голосов и поступков. Мне не
нужно будет терпеть, списывать, записочки эти пи-
сать, представляешь! Представляешь! А ты слушал
и улыбался. Потом встал, и последним моим звонком

стал наш с тобой первый поцелуй. Обжигаящий, щетилистый, гулкий от моих неловких ударов зубами, слишком неловких, поцелуй.

А теперь мне снится, что тебя застрелили. Я видела во сне твоё искаженное, но мутное, словно под инстаграмовскими фильтрами, лицо. Неузнаваемое, размытое, уродливое. Жалкое настолько, что я осела, икнула и разревелась. И проснулась в слезах, готовая бежать из дома, из города, из страны, туда, где мы когда-то целовались. К двери, к которой ты меня прижимал и за которой я явственно ощущала неприязненные переглядывания твоих миловидных продавщиц и стеклянные безразличные глаза плюшевых животных.

Как животные! В моей голове мелькало: куда ты лезешь, боже, что я делаю, нет, не здесь же, подожди, остановись, или нет. Или нет. Нет – ты услышал мое «нет» и остановился. Усадил на кожаный диван – почему в директорских кабинетах всегда стоит кожаный, местами потертый диван? Усадил и распахнул дверь, чтобы лишить своих «девочек» возможности наvertеть языками чего попало. Кабинет сразу наполнился шумом: хлопками, звоном колокольчика над дверью, писком кассового аппарата. Тогда еще не было миниатюрных терминалов и пластиковых карт. Были шуршащие купюры, собравшие на себе миллионы различных отпечатков пальцев, да монеты, весело бренчащие в своем личном кассовом отсеке.

Невероятно, даже у монет была отдельная комната, а у меня нет!

Я делила квадратные метры с младшим братом и собакой, которая почему-то всегда ночевала с нами. Мама с папой спали в зале – в комнате, которую испокон советских веков было принято так называть. Там у нас стоял чехословацкий гарнитур и телевизор – «Супра» или как-то так. Я вдруг подумала, что мне срочно надо туда, к телевизору, к маме в длинном цветастом платье на молнии, к отцу, беспрестанно поправляющему очки, и брату. Обычному младшему брату без особых примет.

Я позорно сбежала. Как в кино про погоню, которое крутил на видеомagneтофоне брат. Там главная героиня обязательно стройная и высокая, в обтягивающих лосинах, в топе, не прикрывающем пупка, вся вымазанная отчаянием, но сохранившая волнующий вид, бежала от погони. Иногда отстреливалась и демонстрировала чудеса безупречного ориентирования на местности. Я же бежала как школьница, даром что бывшая, путаясь в собственных ногах, размазывая стыд по краснющим щекам и не понимая, где я вообще нахожусь и как здесь оказалась.

Как мило, мило! Чего мне было стыдиться, чего бояться? Своего желания стать на одну часть тела более исследованной?

– Убери свою консервную банку отсюда! – сказала в день нашего с тобой знакомства.

И не побоялась же гавкнуть на мускулистую мечту всех старшекласниц. Ведь нам не нужны были одноклассники тогда. Это сейчас они сплошь успешные мужчины, и некоторые даже на выданье, так сказать. А тогда – сопля соплей погоняет. А ты – глаза темные, так хотелось их зажечь, осветить. Освятить! Хотелось тебя трогать и показывать всем вокруг, кроме, разумеется, родителей и соседей. И от коллег родителей, и даже от младшего брата надо было как-то тебя прятать. Я просила тебя встретить меня из школы, но ты всегда был занят и приезжал только тогда, когда тебе самому было удобно. Я выходила во двор, оглядываясь, и шипела: куда ты заехал, придурок, мама увидит, папа убьет. Убери свою эту банку отсюда. Банкой я называла твою бээмвэ. Серебристый металл – ну встретить меня хоть раз из школы! Ты представить себе не можешь, как вознесутся мои девчачьи рейтинги!

Вот так ты и приезжал, мы сидели на лавке в соседнем дворе и ели мороженое. Сейчас с высоты своих тридцати я понять не могу, зачем ты таскался к школьнице?

Я представляла тебя Леоном, а себя – той жидковолосой девчонкой. Благо мои волосы всегда находились в таком состоянии, что и представлять труда не составляло. И ты такой – в черных очках, в черной футболке, в голубых джинсах – камера, мотор-р-р-р, и вот мы уже получаем «Оскар» за лучшие мужскую и женскую роли.

А потом ты встаешь на одно колено, отчаянно или от страха хрустнув вторым, и делаешь мне предложение. Софиты, вспышки камер, женщины «ах-и-ладони-ко-рту», а я в платье, которое стоит, наверное, как вся родительская квартира, и даю тебе свое согласие легким кивком головы. Это потом, когда мы останемся наедине, я брошусь к тебе, запрыгну на каменную грудь и крепко обхвачу тебя бедрами. За которые ты, кстати, и возьмешься, усадишь меня на стол и... «Обед готов!» Это мама из кухни звала меня получить дочерний оскар в виде тарелки борща. Всегда на подобных моментах.

Мечтательница! Уникальные кино в моей голове. Начало, кульминация и конец. Счастливый! Я не теряла интереса к каждой из историй до момента, пока власть не отсмакую каждый кадр. Каждую мелочь, каждый взгляд, каждое слово. Но наше обще-

ние, а как это еще назвать, не походило ни на один из моих сценариев. Это все потому, что ты никак не соглашалась забрать меня из школы?

В Киев еду.

Зачем?

Дела, бизнес, зачем тебе подробности?

Говорят, что киевский торт – вкусный. Правда?

Тебе привезти торт?

Нет, я просто спросила.

Правда.

Классно.

И ногами болтала, думала, привезет теперь торт или не привезет. Чувствовала плечом твое нечаянное плечо рядом. Мы становились чуть вровень только, когда сидели. Да и нечаянно касались друг друга тоже только в эти моменты. Ты каждый раз вытаскивал конфету грильяж и совал мне в карман.

Конфета для конфеты.

Чего это я конфета. У меня имя есть!

Я вскидывалась, а самой-то нравилось. Нравилось! Я находила в этом глубокий смысл – начинка вкусная, обертка красивая. Вся такая конфета-конфета. А ты словно на диете был. Так и не развернул, только попробовал чуть-чуть на последнем звонке. И больше ни-ни.

Твой Киев случился уже после нашего поцелуя. Ты, как обычно, приехал под вечер, посидел со мной на лавке, ишорканной вереницей задниц и подошв, оставил конфету в кармане и уехал, пообещав привезти торт.

Конфета, конфета – россыпь конфет в твоей жизни. Меняющиеся каждые три месяца продавщицы, розовые драже в уютных, исполосованных мятными лентами коробочках, в машине леденцы для свежего дыхания. От тебя всегда пахло конфетами. А я мечтала, чтобы пахло мной. Но конфет было слишком много, и я затерялась в этом кондитерском изобилии. Да и пахла я... блинами мамиными, а не «Гуччи Раш». Никакой романтики.

После Киева мы и не виделись. Только однажды я нашла на той, смею назвать ее нашей, лавочке обмокший под дождем грильяж. Киевский привет от лучшего актера моих старших классов. Нашла и оставила лежать дальше. Ну не есть же ее, в самом деле! Да и не хранить. В моей трогательной подростковой шкатулке, которую я прятала под матрасом, и так скопилось штук семьдесят оберток от грильяжа. Семьдесят один – некрасивая цифра. Это даже никакая не железно-чугунно-золотая свадьба. Это просто семьдесят один, поэтому она и осталась лежать на лавке, пока чья-то рука брезгливо не смахнула ее в осеннюю грязь.

И сейчас я сижу на кровати, вся мокрая от слез, не проснувшаяся еще и не забывшая этот ужасный сон. Не разметаывая еще по не слишком крепкому сознанию некрасивый и правдоподобный кадр. Не включившаяся пока в свою спокойную жизнь бездетной разведенки. Вот! Если бы хоть раз встретил меня после школы, я, может, заполучила бы в мужа одного из взревновавших и присмотревшихся ко мне одноклассников. Или подружилась бы с какой-нибудь крутой и популярной одноклассницей – она, конечно же, ради «вдруг у него друг есть», а я ради тусовок и вечеринок, где бы мои «нет» звучали не так убедительно, а актеры играли бы не слишком порядочные роли. Мало ли бы как сложилось.

Говорят, что такие сны к долгой жизни – так что отбой. Я проснулась. И это... ешь свои конфеты сам.

